
М. Г. Рабинович

ГОРОД И ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА *

В наше время в индустриально развитых странах всего мира городское население решительно преобладает над сельским, и в частности в СССР каждая последующая перепись населения показывает рост этого преобладания горожан. Проблема урбанизации встала уже давно, и сейчас никому не приходит в голову отрицать огромное влияние города, городской культуры на все решительно области народной жизни. Это делает очевидной необходимость этнографического изучения городов, без которого невозможно составить представление о культуре народа в целом.

Но изучение современного города должно опираться на изучение города древнего и средневекового — ведь почти все явления городской жизни уходят своими корнями в далекое прошлое, в предшествующие исторические формации. Это в особенности необходимо, когда речь идет об изучении традиционной культуры народа. Если не представлять себе традиции как нечто раз навсегда установленное, как нечто застывшее, если рассматривать традиционную народную культуру в ее развитии, то станет очевидным, что в этом процессе город и деревня не всегда противостояли друг другу, что во многих случаях они участвовали в нем, дополняя друг друга, содействуя созданию и развитию этнокультурных традиций.

Последнее положение в прошлом серьезно оспаривалось. Городская культура Западной Европы еще как-то признавалась, но этого уже нельзя сказать о городах Востока, а русские города еще в прошлом и даже в начале нынешнего века рассматривались даже как «правительственная фантазия», «насильственная случайность»¹ в народной жизни.

Основу народной культуры определял, по мнению исследователей, огромный массив сельского населения, в котором терялись маленькие городки, не признававшиеся многими «настоящими», «истинно экономическими», «городами в научном смысле слова»². Бесспорной считалась ведущая роль города и горожан в политической жизни страны, в области науки и профессиональной культуры. Традиционная же народная культура развивалась, как думали многие, без участия горожан. Более

* Статья написана на основе доклада, сделанного в школе-семинаре (Звенигород, 29 октября — 3 ноября 1979 г.) (см. «Сов. этнография», 1980, № 2).

¹ См., например, Н. П. Огарев. Письма к одному из многих. — Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, с. 677.

² См. В. П. Семенов-Тяньшанский. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910; Н. А. Рожков. Город и деревня в русской истории (краткий очерк экономической жизни России). Пг., 1918; А. А. Зимин. Состав русских городов XVI в. — «Историч. записки», т. 52, 1955; Н. Н. Воронин. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. — «Кр. сообщения Ин-та истории материальной культуры», № 41, 1951; В. В. Карлов. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса). — «Русский город. Историко-методологический сборник». М., 1976.

того, город рассматривался почти исключительно как нивелирующий, разрушающий традиционную культуру фактор.

Но дальнейшее рассмотрение этой проблемы, привлечение новых материалов позволяет поставить вопрос: так ли в действительности мала (чтобы не сказать — отрицательна) роль города в создании и развитии традиционной народной культуры? Вопрос, разумеется, общий, касающийся едва ли не всех городов мира. В рамках данной статьи мы будем все же пользоваться фактическим материалом, характеризующим преимущественно города русские, привлекая для сравнения имеющиеся данные о зарубежных городах, а также о городах Прибалтики, Поволжья, Кавказа и Средней Азии, представляющие общий интерес.

Прежде чем перейти к выявлению роли города в развитии традиционной народной культуры, уточним само понятие «город» в отношении к нашей теме. Задача эта, несложная для современности, представляет значительные трудности, когда мы обращаемся к прошлому. И если сейчас в большинстве стран имеются твердые критерии (исходящие, как правило, из числа жителей и из характера их занятий), на основании которых те или иные поселения относятся к категории городов и промышленных поселков, то в прошлом эти критерии либо были совершенно иными, либо не существовали вовсе. Работая над письменными источниками, мы вынуждены чаще всего попросту принимать те дефиниции, которые давались современниками, а определение в этом смысле археологических памятников еще сложнее, поскольку далеко не каждый из них может быть сопоставлен с упоминаемым в письменных источниках городом. Для русских городов проблема осложняется еще и неоднозначностью самого термина «город» в древнерусском языке. Словом «город», «град», «грод» обозначались, как известно, и поселение в целом, и укрепления, и территория внутри укреплений, и, наконец, даже определенная область, зависевшая от города.

Не удивительно поэтому, что в нашей науке до настоящего времени нет еще единого мнения о том, какие поселения следует считать городами. Пожалуй, самое старое мнение: городами являются те поселения, которые признавали городами современники, что получило, как сказано, отражение и в письменных источниках. Это мнение, идущее еще от историко-юридической школы, не устарело, по нашему мнению, и сейчас³. Но уже в конце прошлого и начале нынешнего столетия были предложены иные, не менее обоснованные критерии. Одни авторы исходили из людности поселения, предлагая считать городами населенные пункты с числом жителей больше определенной (как правило, ими самими заданной) цифры; другие придавали большое значение занятиям населения, считая городами поселения, жители которых были заняты преимущественно в промышленности (первой формой которой является ремесло) и торговле; критерием при этом служил обычно довольно высокий уровень развития торговли и промышленности, свойственный развитым городам эпохи капитализма⁴. Наконец, существует третья точка зрения, исходящая из того, что понятие «город» не совпадает ни с понятием «большое поселение», ни с понятием «поселение промышленников и торговцев», что городскому поселению обязательно должны быть присущи черты городского образа жизни, городского быта (понимаемого весьма широко — как внешнее выражение общественных отношений)⁵.

³ См. Д. Я. Резун. К характеристике документов приказного делопроизводства, как источника по историографии сибирского города в XVII в. — «История городов Сибири досоветского периода (XVII — нач. XX в.)». Новосибирск, 1977; М. Г. Рабинович. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.

⁴ L. Mumford. The city in history. London, 1961; В. П. Семенов-Тяньшанский. Указ. раб.

⁵ П. Г. Рындзюнский. Основные факторы горообразования в России второй половины XVIII в. — «Русский город».

Из этих главных определений понятия «город» исходят несколько других, пользующихся в качестве критериев признаками, на первый взгляд чисто внешними (общей площадью и площадью центрального укрепления, наличием по крайней мере двух линий укреплений, наличием сооружений городского хозяйства и т. п.), но являющимися важными показателями развития городского быта⁶.

Нетрудно заметить, что каждое из приведенных определений имеет как важные достоинства, так и существенные недостатки. Официальное признание какого-либо поселения городом далеко не всегда соответствовало действительности, так как, с одной стороны, иногда город попадал в число «штатных» намного позже своего возникновения (достаточно привести пример Иваново-Вознесенска), с другой стороны, городами продолжали числиться некоторые поселения, давно утратившие значение городов (в Англии в определенный момент они получили название «гнилых местечек»). Пересмотр статуса городов бывал чрезвычайно редко. Исходя из критерия населенности, исследователи приводят иногда соображения, в достаточной мере парадоксальные⁷.

Численность населения и точный социально-профессиональный его состав, как и торгово-промышленный потенциал города для древних периодов, как правило, не поддается точному определению, общие критерии в этом отношении выработать пока не представляется возможным (особенно, если учесть локальные варианты). Отсюда — нередко вынужденная произвольность в отнесении поселения к той или иной категории. Иногда такие попытки приводят, например, к почти полному отрицанию наличия городов в эпоху феодализма в целых обширных областях, а то и странах. Примерно те же результаты дает и введение формальных критериев вроде наличия второй линии укреплений. Что же касается площади, то этот важный критерий может быть использован только в некоторых определенных случаях (в частности, здесь обязательны узкие территориальные и хронологические рамки), поскольку известно, что при высокой плотности населения (причины, обуславливающие ее, различны) крупный промышленный центр может занимать меньшую площадь, чем иное село. Для этнографов, пожалуй, важнее всего тезис П. Г. Рындзюнского об определяющем значении быта, уклада жизни. Но городской образ жизни — это не причина, а следствие образования городов. То же можно сказать и о людности, и об упомянутых только что формальных признаках, а с некоторыми оговорками — и о самом статусе города. Таким образом, как бы ни были существенны все приведенные выше критерии определения города, они исходят из следствия, а не из причины образования городов. Исследователи сходятся на том, что первопричиной этого сложного процесса является общественное разделение труда. «Основой всякого развитого и товаром опосредствованного разделения труда, — писал К. Маркс, — является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности»⁸. Возникший в результате этого новый для данной общественно-экономической формации тип поселения — город — имеет множество разнообразных функций. Города являются центрами промышленными и торговыми, военными и административными, культурными и религиозными. Едва ли не главным для нашей темы представляется значение города как местного центра. Это понятие не исчерпывается определением го-

⁶ В. В. Седов. Городища Смоленской земли. — «Древняя Русь и славяне», М., 1978; E. Ennen. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953; Г. В. Штыхов. Города Полоцкой земли. Минск, 1978.

⁷ Л. Мэмфорд, например, замечает, что, строго говоря, города есть не только у людей, но и у некоторых животных (например, у муравьев, у пчел) (см. L. Mumford. Указ. раб., с. 6).

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 365.

рода как центра местного рынка; оно шире, хотя экономические функции преобладают над военно-административными и культурно-конфессиональными.

Как нам случалось уже показывать⁹, для сложения городского образа жизни не обязательно наличие всего многообразия функций поселения, о которых только что говорилось. Достаточно одной функции, чтобы поселение приобрело (сразу или постепенно) черты города: относительно большие людность и размеры, сооружения городского хозяйства, по большей части и укрепления, городской образ жизни. Но устойчивость города как поселения, его долговечность в значительной степени зависит от того, насколько он выполняет функции местного центра, насколько он необходим окружающему местному населению. Если необходимо, тогда ни изменения мировой торгово-промышленной, ни военно-политической, ни религиозной конъюнктуры, ни даже полное разорение неприятелем не прекратят жизни города. В противном же случае любое из этих изменений может повести к превращению города в сельское поселение (причем постепенно исчезнут черты городского быта), а то и к полному запустению города. Вчерашние столица, крупный центр международной торговли, знаменитейшее место паломничества, важнейший военный опорный пункт могут с изменением конъюнктуры в короткий срок утратить свое значение, и самое существование их как городов зависит от того, насколько они являются также и местными центрами. «Не дальняя торговля, но рынок, базар делают город центральным пунктом хозяйственной жизни», — пишет известный урбанист Э. Эннен¹⁰.

Археологи давно уже обратили внимание на то, что многие древние поселения, обладающие важными признаками города, существовали недолго (одно-два столетия) и запустели, в то время как другие развились и являются городами и в наши дни. В частности, сопоставляя развитие Смоленска и Гнездова, В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина пришли к выводу, что Гнездово, возникшее на рубеже IX и X в., переживало наиболее интенсивное развитие в середине X в. как княжеский и дружинный центр — погост, в котором собиралась дань, связанный торговлей с Востоком, Византией, Средней Европой, но не отражавший в достаточной мере интересов своей округи. В XI в. этот городок заглох, тогда как его ближайший сосед — местный племенной центр Смоленск стал интенсивно развиваться¹¹. Это наблюдение представляется нам весьма ценным. Подобные явления не были редкостью и в более поздние времена. Так, в XIV—XVI вв. княжеский город Радонеж, не создав вокруг себя прочного рынка, вынужден был уступить значение местного центра основанному поблизости Троицкому монастырю. Монастырь превратился в город, а Радонеж — в село, несмотря на то что московское правительство пыталось искусственно поддержать Радонеж, издавая, например, указы о возвращении туда ярмарки¹². Много случаев изменения статуса малых городов связано с административными мероприятиями при установлении областного деления России в XVIII в. Успех их зависел от того, насколько правильно оценивались при этом перспективы данного города, прежде всего в сохранении или приобретении значения местного центра. Можно думать, что подобным же образом обстояло дело и при аналогичных реформах в других странах.

⁹ М. Г. Рабинович. Указ. раб., с. 20—21; его же. К типологии восточнославянских городов. — «Проблемы типологии в этнографии». М., 1979, с. 230—231.

¹⁰ Хотя при этом центры международной торговли обычно крупнее, чем рядовые местные центры. E. Ennen. Die europäische Stadt des Mittelalters. Göttingen, 1975, S. 84. 202.

¹¹ В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина. К предыстории древнерусского города. — «История СССР», 1979, № 4, с. 102—106. Название «Гнездово» здесь употреблено условно, так как древнее имя городка неизвестно.

¹² М. Г. Рабинович. К типологии восточнославянских городов, с. 238.

С разнообразными функциями города связаны не только его внешние признаки, о которых мы упоминали, но и большая, чем в селах, сложность социального и этнического состава его населения.

Исходя из изложенного, мы предлагаем в качестве рабочей гипотезы для освещения поставленной нами проблемы определение города как относительно крупного поселения, укрепленного или без укреплений, являющегося местным экономическим и культурным центром, имеющего сложный в этническом и социальном отношении состав жителей, большинство которых занято в товарном производстве и ведет городской образ жизни.

Функция города как местного центра строжайше обусловлена его тесными связями с сельским населением.

Было бы удивительно при этом, если бы город оказался чуждым традиционной народной культуре, если бы роль его ограничивалась только передачей сельскому населению иноземных новшеств. Народная культура была во всех отношениях его основой и питательной средой. Другое дело, что горожане активно участвовали в переработке старых и создании новых культурных ценностей, в развитии материальной и духовной культуры народа в целом.

Признание крестьянства не только основным, но и единственным, исключительным носителем традиционной культуры народа, а с ним и известная идеализация сельской жизни и самой культуры появились лишь в XVII—XIX вв. и были связаны с романтизмом, который в середине прошлого столетия в России стал важным элементом народнической идеологии. Вопрос этот сам по себе весьма сложен и не может быть разрешен в одной краткой статье. Для нас важно, что одной из сторон народнической идеологии, против которой боролись впоследствии марксисты¹³, было как раз это романтическое понимание роли крестьянства как единственного носителя традиций народной культуры и города как исключительно нивелирующего фактора, этой культуре угрожающего.

С другой стороны, идеализация сельской жизни была еще с XVII—XVIII в. в высокой степени свойственна реакционной дворянско-помещичьей идеологии, что отразилось и в различных пасторальных сюжетах литературы того времени.

Что же касается собственно народного творчества, в частности устной поэзии, то в ней город издавна занял прочное положение и даже несколько идеализировался. Достаточно вспомнить художественные образы древнерусской народной поэзии: былинный Киев — резиденцию ласкового князя Владимира — или Великий Новгород с его мировым торгом, который не в состоянии выкупить сам богатый гость Садко. Вместе с тем русские былины содержат и убедительные бытовые подробности городской жизни вроде драк на Новгородском мосту или хвастовства заезжего галицкого боярина, что в Галиче мостовые много лучше киевских.

В народных представлениях городская жизнь с древнейших времен рисовалась как образец и даже предмет зависти для приезжего сельского жителя. Кроме того, в создании по крайней мере некоторых циклов былин, вошедших в золотой фонд русского фольклора, по-видимому, принимали участие и горожане. Им может принадлежать, в частности, такой сочный образ народной поэзии, как образ Василия Буслаева¹⁴.

Мы подошли сейчас к важнейшему вопросу рассматриваемой нами проблемы. Город возникал, как мы уже говорили, в сельской среде и на первых порах решительно во всех областях городской жизни чувствовалось влияние этой среды. Но не было, пожалуй, такого явления духов-

¹³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 223—224.

¹⁴ Былины о Дюке Степановиче. См. «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. III. М.—Л., 1951, с. 102; о Василии Буслаеве.— «Новгородские былины», М., 1978, с. 5—147.

ной или материальной культуры народа, которое, будучи воспринято горожанами, не подвергалось бы решительной переработке в соответствии с их жизненными и культурными запросами. А потом, иногда через десятки или даже сотни лет, сильно измененными, многие из этих явлений возвращались в деревню уже как культурное влияние города. Таким образом, с тех давних пор, как появились города и горожане, культурные влияния городского и сельского населения были взаимными. Город отнюдь не был чем-то посторонним, чуждым традиционной народной культуре. Он был активным ее творцом, как и деревня.

Поясним это положение на некоторых примерах. Мы будем брать эти примеры преимущественно из области материальной культуры, так как важнейшая роль города в создании духовной культуры народа никак не подвергается сомнению.

Начнем с занятий — с области, которая, как кажется, больше всего отличается город от деревни. В самом деле, город представляется прежде всего как центр промышленности и торговли, в отличие от деревни, где решительно преобладают хлебопашество, скотоводство, пчеловодство и т. п., недаром эти занятия в совокупности называются сельским хозяйством. В этом суть важнейшего общественного разделения труда — отделения города от деревни.

Но если в деревне также имеются ремесла, то горожанам (в особенности на первых этапах развития городов) отнюдь не чуждо земледелие (даже в форме хлебопашества), скотоводство — словом, все те сельскохозяйственные занятия, которые мы только что назвали. Они составляли важное подспорье в жизни рядовых горожан, обеспечивая им уверенность в завтрашнем дне. Здесь не составят исключения и города Западной Европы¹⁵. Но дело не только в этом подсобном для горожан значении сельскохозяйственных занятий. Некоторые из таких занятий, в частности огородничество, садоводство и бахчеводство, приобретают в городах высокотоварный характер, и прав П. Г. Рындзюнский, когда рассматривает их не как подсобные занятия, а как важнейшие промыслы наряду с ремеслами и торговлей, либо тут имеет место производство для обмена¹⁶. Небольшие русские города вроде Ростова, Дмитрова или Можайска поставляли овощи во всю центральную Россию¹⁷, как в города, так и в окрестные села. При этом в городах выводились такие новые виды овощей и фруктов, которые приобретали важное значение в сельском хозяйстве всей страны и даже за ее пределами. Достаточно назвать владимирскую вишню, нежинские огурцы, павловские арбузы и огурцы¹⁸. Очень важным занятием горожан было скотоводство, дававшее мясную и молочную пищу, шерсть, кожу и сырье для костерезной промышленности. Городскому пастбищу-выгону придавалось очень большое значение. По всей вероятности, именно город был пионером в организации стадного выпаса скота под надзором специалиста — пастуха, пришедшего позже и в деревню, где первоначально господствовал вольный (безнадзорный) выпас скота на прилегающей к селению поскотине. С коллективной пастьбой была связана довольно сложная проблема общественного содержания пастухов и подпасков, а также некоторые древние обычаи, направленные на оберег и повышение продуктивности скота, общие для города и деревни.

Жилище рядового горожанина первоначально почти не отличалось от крестьянского жилища данной местности. Важнейшую роль здесь

¹⁵ См., например, В. В. Стоклицкая-Терешкович. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960, с. 55—56; Я. А. Левицкий. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.—Л., 1960, с. 62—63.

¹⁶ П. Г. Рындзюнский. Указ. раб., с. 107, 120—121.

¹⁷ Л. О. Милов. О так называемых аграрных городах России XVIII в.—«Вопросы истории», 1968, № 6.

¹⁸ М. Г. Рабинович. Очерки этнографии русского феодального города, с. 59—61.

играли природные условия — климат, наличие нужных пород строительного леса. Это ясно видно на примере жилища русских, расселившихся, как известно, по обширной территории. Там, где были более или менее значительные хвойные леса, уже в глубокой древности преобладали срубные сосновые или еловые дома, хозяйственные постройки из дуба, заборы и ворота из разных пород дерева. Где леса не было, рядовые крестьяне и горожане строили глинобитные беленые дома на деревянном каркасе, а то и углубленные в землю полужемлянки. Таковы же были хозяйственные постройки, а заборы — плетневые. Срубные дома строили в этих местах только богатые.

На усадьбах горожан были не только разного рода амбары и сараи, но даже постройки для обработки урожая — овины, гумна, характерные больше для крестьянской усадьбы. Но уже с самого начала почти каждый городской дом был одновременно и мастерской ремесленника (во дворе мог быть металлургический или гончарный горн, зольник кожевника и другие производственные сооружения). И, что особенно важно, дом горожанина начал развиваться и усложняться намного раньше, чем дом крестьянина. Археологические раскопки показали, что уже в XII—XIII вв. в крупных городах (например, в Новгороде) были дома усложненного плана, имевшие три помещения — избу, сени и клеть или две избы, соединенные сенями. Были и избы-пятистенки, как их теперь называют, — с пятой внутренней стеной, разделявшей избу на два помещения¹⁹. Лишь на несколько столетий позднее трехкамерная изба и изба-пятистенок распространились и в деревне, а в XVIII—XIX вв. они стали традиционным жилищем крестьян. В городе к тому времени преобладали уже многокомнатные дома.

В старых русских деревнях и сейчас еще радуют глаз резные наличники окон и убранство фронтонов. Но надо ясно представить себе, что это деревенное узорочье — одно из наиболее ярких сторон русского народного искусства — тоже происходит из города, где впервые дома стали выходить фасадами на улицу и распространился обычай украшать окна затейливыми наличниками, обычай, охотно воспринятый и деревней. Недаром деревенские избы имеют подчас наличники «классических» архитектурных стилей — барокко, ампир, иногда даже модерн. Наряду с этим в убранстве русского дома нередко сохраняются очень древние черты, связанные с представлениями о необходимости оберега от злых сил: конек крыши, стилизованное изображение конской головы на лавке у входа (и сама эта лавка называется «коник»), резной орнамент дверей и окон. Эти черты уходят своими корнями в глубокую древность, когда и городов-то еще не было. Мы видим, что и в строительном материале, и в конструкции, и в планировке, и в украшении традиционного русского народного жилища тесно переплелись черты, возникшие как в крестьянской, так и в городской среде.

Народное строительное искусство проявлялось не только в собственно жилищном строительстве, но и в различных сооружениях городского хозяйства — мостовых, колодцах, водостоках, мостах, набережных. Русские плотники еще в глубокой древности возводили городские стены и башни, дома и хозяйственные постройки; они же строили и все те сооружения, о которых мы только что говорили, находя остроумные конструктивные и художественные решения. Такие сооружения появились (сначала в городах, но многие из них распространились и в сельской местности²⁰. Например, срубные колодцы, иногда с красивыми навеса-

¹⁹ П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. II. М., 1959; М. Г. Рабинович. Русское жилище XIII—XVII вв. — «Древнее жилище народов Восточной Европы». М., 1975, с. 189; Г. Г. Громов. Жилище. — «Очерки русской культуры XVI в.», ч. I, М., 1978.

²⁰ М. Г. Рабинович. Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси. — «Средневековая Русь». М., 1976.

ми — «сениями», разнообразны мосты, подчас оригинальной конструкции, набережные.

С помощью одного только топора плотник мог сделать целый водосток из деревянных труб, а деревянные мостовые были едва ли не в каждом русском городе. В Западной Европе основным материалом для строительства служил чаще камень, на Востоке — глина и сырцовый кирпич.

В застройке поселений можно проследить давние взаимные влияния города и деревни. Древнейший центр города (у русских — детинец) обычно имел кучевую или беспорядочную застройку, как и сельские поселения, а уличная застройка городских посадов, по-видимому, повлияла на сложение сплошной или уличной застройки многих деревень и сел.

Народный костюм тоже испытывал влияния как деревни, так и города. Это можно заметить и в очень давние времена, когда существовали еще особенности древнего племенного наряда. В частности, у восточных славян металлические украшения праздничного женского убора — привески (так называемые височные кольца), бусы, браслеты, перстни и т. п., имевшие свои особенности у каждого племени, делались как деревенскими, так и городскими мастерами. Последние нередко вносили в старинные формы этих украшений новые черты, в свою очередь становившиеся традиционными. Недавно было высказано мнение, что и финно-угорские племена Новгородской земли пользовались украшениями, отвечавшими их традиции, но сделанными в Новгороде. Через города попадали в сельские местности и религиозные символы (разного рода кресты, иконки), использовавшиеся местным, еще не христианизированным населением просто как украшения²¹.

В прошлом столетии, да и в начале нынешнего у русских «городской» женский костюм — «парочка» (кофта с юбкой из одинаковой покупной материи) противопоставлялся традиционному более нарядному костюму с поневой или с сарафаном²². Но ведь и сам сарафан, если разобраться, — элемент костюма тоже городской, только более древний. Еще 600 лет назад в русских летописях впервые появилось новое для того времени слово восточного происхождения — «сарафан», «сарафанец». Оно обозначало тогда длинную нарядную верхнюю одежду, но не женскую, а мужскую²³. Однако уже в XV—XVI столетиях сарафан стал излюбленной одеждой городских женщин. Он приобрел несколько иной покрой — лишился, например, рукавов; шили сарафаны из лучших материй, украшали кружевом, дорогими пуговицами. Исследователи думают, что была какая-то более древняя женская одежда, на которую распространилось новое название «сарафан»²⁴. Но несомненно, что в полном своем виде комплекс женской одежды с сарафаном сложился в городах, а затем распространился в сельской местности, преимущественно у северных русских. Процесс этот был длительным. Начавшись в XVI—XVII вв., он продолжался и в XVIII—XIX вв. Комплекс одежды с сарафаном понемногу распространялся в деревнях с севера на юг, постепенно оттесняя более древний комплекс русского женского костюма с красиво вытканной набедренной одеждой — поневой. А в городах

²¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930; *его же*. Царицынские курганы. — «Материалы и исследования по археологии Москвы», т. I. М., 1947, с. 80—81; Г. П. Латышева. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. (материалы к изучению подмосковного села XIII—XIV вв.). — «Памятники археологии Москвы и Подмосковья». М., 1954, с. 48—54; Н. Г. Недошивина. О датировке Белевского клада. — «Славяне и Русь». М., 1968, с. 118—121; Е. А. Рябинин. Новгород и северо-западная область Новгородской земли. — «Культура средневековой Руси», Л., 1974, с. 60.

²² «Русские. Историко-этнографический атлас». М., 1967, карты № 38—40.

²³ «Полное собрание русских летописей», т. XII. М., 1965, с. 27. 1377 г.

²⁴ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. I. М., 1926, с. 110—120; Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов. — «Востоочнославянский этнографический сборник» («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXX). М., 1967, с. 642—643.

уже в XVI—XVII вв. понева исчезла совсем. Горожанки и на юге носили только сарафаны, когда окрестные крестьянки одевались еще в поневу. На рубеже XIX и XX вв. можно было наблюдать, как в сельской местности сарафан «наступал» на поневу, проникая в южнорусские деревни сначала отдельными островками, а потом целыми обширными зонами. А между тем из городов шла уже следующая волна — распространялся новый городской костюм «парочка». Наглядность участия горожан в создании традиционной народной одежды (в частности, так называемого севернорусского костюма с сарафаном) выявляется здесь очень ясно. В небольших русских северных городах еще лет 100 назад не только простые горожанки, но и купчихи носили традиционные сарафаны и кокошники²⁵. Но были уже и такие, что одевались в новомодные платья, бурнусы и шляпки.

Пожалуй, наиболее существенным отличием городского костюма была кожаная обувь. Еще в прошлом столетии повсюду в Западной Европе сельские жители носили жесткие деревянные башмаки. На востоке Европы носили более гибкие лапти. Крестьян на Руси называли «лапотниками» по крайней мере тысячу лет. Одна из первых русских летописей — «Повесть временных лет» приводит, между прочим, разговор князя Владимира с воеводой, который сказал князю, что от захваченных пленников мало толку, так как они все в сапогах: с них дани не получить, поищем себе лапотников — советовал воевода²⁶. Эта летописная притча не могла бы все же считаться достоверным указанием на различие обуви горожан и крестьян, уж очень ярко выражен в ней элемент назидательности. Но вот уже много лет во многих русских городах ведутся археологические раскопки. Среди находок «массового материала», как называют археологи наиболее часто встречающиеся предметы, в каждом городе обычно тысячи, сотни тысяч обрезков кожи, десятки, сотни частей обуви и целых поршней (кожаных туфель), чобот (ботинок) и, конечно, сапог. И за все годы во всех городах — всего лишь несколько штук лаптей, да и те иногда оказываются сплетенными не из древесной коры, как обычно деревенские лапти, а из кожаных ремешков. Да, в древности лапти носили только крестьяне, хоть былина и упоминает какие-то особенно нарядные «лапотки семи шелков» с драгоценными камнями у горожанина Дюка²⁷. Это скорее всего просто мечта крестьянина — сказителя быliny, похожая на другую известную поговорку: «царь ест сало с салом». А вот анализ найденных при раскопках сапог показал, что они были подчас очень нарядными — из цветной кожи (не только черные, но желтые, зеленые, красные), украшались тиснением, вышивкой и т. п.²⁸ Но уже в прошлом столетии нарядные сапоги (в соответствии с модой то «бутылками», то «гармошкой») были и атрибутом деревенского щеголя, да и вообще зажиточные крестьяне носили тогда кожаные сапоги и коты, а беднота по-прежнему ходила в лаптях. Итак, кожаная обувь тоже вошла в традиционный народный костюм под влиянием города.

А теперь, когда мы видим, например, народный хор в традиционных русских костюмах — мужчин в косоворотках и высоких сапогах, женщин в сарафанах, кокошниках и цветных сапожках, мы не подозреваем, что перед нами, собственно, городской костюм, но эта мода проникла в деревню уже давно, став, таким образом, общерусской. Нужно сказать,

²⁵ См. А. Шевяков. Типы города Галича. Научный архив Географического о-ва СССР, разр. XVIII, оп. 1, № 23 (воспроизведено в кн.: М. Г. Рабинович. Очерки этнографии русского феодального города, вклейка, с. 192—193).

²⁶ «Повесть временных лет», ч. I. М.—Л., 1950, с. 59.

²⁷ «Онежские быliny», т. III, с. 196.

²⁸ С. А. Изюмова. Из истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. — Труды Новгородской археологической экспедиции; М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, с. 288; Н. С. Шеляпина. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—65 гг. — «Древности Московского Кремля». М., 1971, с. 152—153.

что сарафан вообще стал как бы символом традиционного женского русского костюма в целом. Например, изображая женщин (все равно — горожанок или крестьянок) в традиционной русской одежде, теперь всегда рисуют сарафан, а не поневу. Подобная же судьба у мужской верхней одежды — чохи, в просторечье часто называемой «черкеской» и символизирующей в нашем представлении традиционный мужской костюм едва ли не всех народов Кавказа. Исследования Е. Н. Студенецкой показали, что чоха была первоначально одеждой горожан²⁹. Интересно, что эта одежда проникла, по-видимому, в XVI в. и на Русь, в несколько измененном виде под названием «чуга». Возможно, это произошло в тот период, когда Иван Грозный женился на Марии Темрюковне и с молодой царницей приехало немало кавказских щеголей.

Пожалуй, наиболее сильной была сельская традиция в пище. Ведь основные пищевые продукты и блюда — то, что называют национальной кухней, зависят прежде всего от особенностей хозяйства. У земледельцев, как правило, преобладают мучные, крупяные, овощные и молочные блюда, у скотоводов — молочные и мясные. Бедный человек с трудом добывал для своей семьи ежедневные щи и кашу, перебивался, как говорили, с хлеба на квас. За столом богатого человека подавали десятки изысканных блюд, в том числе мясных и рыбных. Это касалось и горожан, и сельских жителей.

Но режим питания народа в целом складывался под значительным влиянием города. Общеизвестно что этот режим отразил и требования господствовавшей христианской религии (в разных странах православной или католической), которая проникала в сельские местности Европы через города. Сам процесс христианизации в различных странах Европы шел неодинаково. Этой важной проблеме посвящено много работ, и в данной статье мы ее не рассматриваем. Для нас важно, что повсюду христианизация влекла за собой строительство церквей, создание сильной клерикальной организации, введение ряда религиозных запретов. Все это происходило прежде всего в городах. Большую роль в режиме питания сыграли, в частности, введенные церковью посты. Например, у русских — длинные весенний («великий»), летний («петровский») и некоторые другие, однодневные посты каждую среду и пятницу. Всего у православных было до 200 постных дней в году. В постные дни не употребляли мясо и молоко, но можно было есть рыбу. Отсюда — большое разнообразие рыбных блюд, отличающее русскую кухню. В частности, монастырские уставы рекомендовали братии не менее четырех разных рыбных кушаний каждый день.

Ежедневные трапезы, за которыми собиралась вся семья, сложились постепенно. У русских крестьян в древности таких трапез было всего две — обед и ужин. В городах еще в XVI в. простой народ питался так же, но у более зажиточных появились еще две трапезы — завтрак и полдник. Постепенно у горожан стало, таким образом, четыре ежедневных трапезы — завтрак, обед, полдник и ужин, и этот обычай стал проникать в деревню. Другой городской модой, распространившейся в XIX—XX в. и среди русских крестьян, стало чаепитие или, как его называли в ту пору некоторые, — «самоварная роскошь»³⁰.

Под влиянием города в деревнях увеличивался ассортимент домашней утвари, в частности кухонной и столовой посуды. Крестьянское хозяйство знало в древности всего лишь несколько форм сосудов. В частности, в Древней Руси распространен был глиняный горшок (сосуд специфически славянский, связанный с так называемой русской печью,

²⁹ Е. Н. Студенецкая. Общие черты в мужской одежде народов Северного Кавказа и их отражение в терминологии. — «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии». Л., 1974, с. 263.

³⁰ М. Г. Рабинович. Ответы на программу Русского географического общества как источник для изучения этнографии города. — «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», V. М., 1971, с. 59.

в которой топливо и сосуды с приготавливаемой едой находились на одном уровне)³¹, изредка еще кувшин, деревянные миски, ложки, ковши. За обедом или ужином вся семья ела из большой общей миски, строго соблюдая очередь: сначала черпали старшие, потом — младшие. Эту посуду и эти обычаи получили из деревни горожане. Но городской быт требовал более разнообразной посуды. Появилось множество форм печных горшков, глиняные сковороды (их называли латки), различные сосуды типа позднейших кастрюль, кумганы — сосуды с носиком, напоминающим современный кофейник, множество блюд и мисок³². В городе же развился и обычай раскладывать еду из общей посуды каждому на тарелку и соответственно появились черпаки и разнообразные маленькие миски, плоские тарелки из глины, дерева, у богатых — из металла, «кубышки» — глиняные бутылки. Парадная столовая посуда богато украшалась. Постепенно эта посуда и эти обычаи проникали и в деревню. В XVIII в. в бедной крестьянской избе Радищев видел деревянные кружки, называемые тарелками³³. Красивая посуда стала одним из важнейших видов продукции народного русского искусства в городе и в деревне.

Тесные связи с сельским населением и важность сельскохозяйственных занятий для горожан обусловили развитие и сохранение в городах в течение почти тысячелетия разнообразных аграрных обычаев и обрядов. В городах они приобретали свойственные городскому быту более широкий размах и красочность. Вместе с тем господствующая церковь повсюду стремилась не только распространить из городов в сельские местности свою догматику и обрядность, но и овладеть древними традиционными народными обрядами. Это приводило зачастую к довольно странному на первый взгляд смешению различных деталей обрядов и обычаев. В частности, у русских древние земледельческие обычаи и обряды существовали в малых городах еще в середине прошлого столетия, но главными действующими лицами были, конечно, не языческие жрецы, а православные попы и дьяконы. В некоторых городах еще 130 лет тому назад по определенным праздникам служили молебны, после которого из церкви направлялся крестный ход «на рожь», т. е. на принадлежащие городу земли. Здесь уже были накрыты столы, но прежде, чем сесть за них, служили еще один молебен, после которого женщины катили по полю попа или дьякона, чтобы урожай был таким же обильным, а каравай так же «упитан», как «батюшка» или «отец дьякон». Известна относящаяся к этому обрядовому действию поговорка: «Уродись сноп толстый, как поп».

Церковь стремилась занять ведущее место и в семейных обрядах. Но еще в прошлом столетии можно было ясно различить, например, в русской свадьбе как бы два самостоятельно существующих и плохо связанных друг с другом обряда — древний народный («веселье») и церковный («венчанье»). И во многих областях древнему обряду придавалось большее значение, чем церковному венчанию. Еще раньше, в середине XVI в., была предпринята попытка ввести и в народный обряд священника, как «свадебный чин». Ведь жених и невеста в день свадьбы нарекались молодыми князем и княгиней, им полагались «придворные чины» — у каждого были сваха, дружки, бояре и боярыни, у молодого князя — еще тысяцкий, который и был главным распорядителем свадьбы. Известное руководство по ведению дома XVI в. — «Домострой» рекомендовало иметь также и двух священников — по одному от рода жениха и рода невесты. Таким образом, священник должен был войти в

³¹ С. А. Токарев. О культурной общности восточнославянских народов. — «Сов. этнография», 1954, № 2, с. 26.

³² Р. Л. Розенфельдт. Московское керамическое производство XII—XVII вв. — «Свод археологических источников», в. Е 1—39. М., 1968, табл. 1—19.

³³ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. М.—Л., 1950, с. 186.

число «княжеской свиты», но это, по-видимому, осталось только на страницах «Домостроя», а в народный обряд не попало³⁴.

Кажется, ни один праздник, общественный или семейный, в деревне или в городе не обходился в древности без скоморохов. Церковь боролась с ними, проклинала «бесовские действия», как называла представления с их играми «скаканием, плясанием и плесканием», но ничего сделать не могла. Скоморохи, жившие отдельными слободами (с которых брали большие налоги), бродили по русским городам и деревням, проникали на торжества богатых и на сборища рядовых горожан и крестьян, зачастую давали свои представления прямо на улице. Они были хранителями древних традиций — песен, плясок, игр, некогда носивших магический характер. Скоморохи создавали народный театр кукол с его своеобразными глиняными и деревянными «артистами», знакомыми всем фигурами грозного боярина или местного богатея, простоватого крестьянина, военного, не в меру бойкого народного героя Петрушки; эти фигурки находят при раскопках в городах. В играх скоморохов тесно переплетались элементы крестьянской и городской культуры, сливаясь в подлинно народное зрелище³⁵.

Красочны и увлекательны были сборища и игры молодежи, которые горожане восприняли первоначально от сельского населения, — посиделки зимой, хороводы летом, катанья с гор и пр. И даже в новой столице — Петербурге еще в прошлом столетии на центральных площадях устраивались нарядные искусственные ледяные горы, привлекавшие множество катающихся и зрителей.

* * *

Мы ознакомились лишь с некоторыми сторонами народной жизни, в которых тесно слиты элементы городской и деревенской культуры. Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить. Подведем некоторые итоги.

Город как поселение возникает в целом позже деревни и на первых порах питается традициями, созданными сельским населением. Но в дальнейшем он активно перерабатывает, обогащает эти традиции, и через больший или меньший срок деревня получает их из города уже развитыми, иногда едва узнаваемыми, — и в свою очередь активно воспринимает и перерабатывает эти традиции. Такой постоянный обмен культурными ценностями и ведет к созданию единой народной культуры. Кроме того, нужно помнить, что ни один народ не изолирован полностью от других народов мира как в экономическом, так и в политическом и в культурном отношениях. И в этих взаимовлияниях, без которых не складывается народная культура, как бы самобытна она ни была, город играет важную роль.

Город отнюдь нельзя рассматривать как явление, для народной культуры внешнее, постороннее. Городская культура является неотъемлемой частью традиционной народной культуры, активным элементом ее развития. Отсюда вытекает необходимость этнографического изучения как современного города, так и городов предшествующих эпох — капитализма, феодализма и рабовладельческой эпохи. Здесь этнографы работают в тесном контакте с археологами и историками, пользуясь теми же источниками, но имея свою специфическую задачу — изучение городского населения, городского быта, городского образа жизни в его многообразных связях с жизнью сельского населения, в процессе создания традиционной народной культуры.

³⁴ М. Г. Рабинович. Свадьба в русском городе в XVI в. — «Русский народный свадебный обряд». Л., 1978, с. 27—28.

³⁵ А. Фаминцын. Скоморохи на Руси. СПб., 1889; А. А. Белкин. Русские скоморохи. М., 1975; М. Г. Рабинович. К истории скоморошьях игр на Руси. — «Культура средневековой Руси».

THE CITY AND TRADITIONAL CULTURE

The definite predominance of urban population in industrially developed countries and the universal urbanization of everyday life necessitate urban ethnographic studies. However, urban settlements of the past were also not something external with regard to traditional folk culture: they actually participated in its rise and development. Many phenomena of material and intellectual culture were absorbed by the urban dwellers from the countryside; but there they underwent considerable transformations and returned to the rural area in a new and enriched guise.

The author offers his own definition of the concept of «city» and illustrates the rise of people's traditional culture in the course of rural-urban mutual connexions and influences by examples culled from the field of occupations (agricultural pursuits by urban dwellers as a contribution to the development of agriculture as a whole), material culture (dwellings, clothing, food and utensils) and intellectual culture (rituals, social and family life).